

В.И. Демин

Ой, Яхим, Яхим...

**Новое прочтение романа эрзянского писателя В.М. Коломасова
«Лавгинов»**

Аннотация. В работе с новых, современных позиций рассматривается одно из самых интересных, значительных и любимых читателями произведений эрзянской литературы – сатирико-юмористический роман В.М. Коломасова «Лавгинов». Представлены различные оценки произведения и одноименного героя от первоначальных до современных; при исследовании художественного мира романа особый акцент делается на связь с народными смеховыми традициями.

Сегодня, в период усиления внимания общества к национальным проблемам, это приобретает особую актуальность, поскольку дает возможность лучше понять особенности этнического менталитета. Это тем более актуально в условиях сокращения численности мордвы и эрзя – народа, давшего миру десятки талантливых личностей, обладающего ни с чем не сравнимой сокровищницей словесно-художественного искусства. Обращаясь к корневым истокам своих этносов, писатели стремятся вызвать в сердцах соплеменников надежду на национальное и духовное возрождение, пробудить их национальное сознание, стать физически сильнее, нравственно чище, богаче. В связи с этим актуальность нового прочтения романа В. Коломасова «Лавгинов» не вызывает сомнений.

Ключевые слова: литература, комическое, сатира, юмор, жанр, роман, образ, герой, смеховая традиция.

V.I. Dyomin

Oh, Yakhim, Yakhim...

**A new reading of the novel «Lavginov» by the Erzyan writer
V.M. Kolomasov**

Abstract. The author uses the modern approaches to analyze V.M. Kolomasov's satirical and comic novel "Lavginov", which is one of the most interesting, important and popular works of Erzya literature. The article presents different assessment of the novel and its eponymous hero from the initial to the modern one; when studying the artistic world of the novel the author places a special emphasis on the connection to folk humor traditions.

Today, at the time of increased public attention to national problems and the fates of the nation, this is of particular relevance, because it provides an opportunity to better understand the features of the national mentality and ethnos viability.

This is all the more important that for various reasons more than a million nation, gave birth to dozens of talented persons possessing incomparable word art treasures, has intensely reduced from year to year out. Referring to the origins of their ethnicities, the writers try to give their tribesmen hope for national and spiritual revival, awaken their national consciousness and their desire to become physically strong and rich in spiritual and cultural way. Based on the foregoing, rethinking of V. Kolomasov's novel «Lavginov» is highly relevant.

Key words: literature, comic, satire, humor, genre, the novel, character, humor tradition.

В истории литературы есть не так уж много примеров, когда писатель остается верным своим героям на протяжении всего творческого пути, «идя» с ними от произведений ма-

лых жанровых форм к все более крупным. В эрзянской литературе таким художником слова является один из самых ярких представителей комического направления Василий Максимович Коломасов, который к своему роману «Лавгинов» прошел путь от рассказа «Прокопыч» (1934) через повесть «Лавгинов Яхим» (1936–1939) и комедию «Прокопыч» (1940), объединенные общей темой и героями.

Первый вариант романа вышел в свет в 1941 году, в преддверии Великой Отечественной войны. И тут же вызвал самые противоречивые споры и оценки литературной критики. Одни исследователи хвалили его, другие пытались незаслуженно дискредитировать. Это не случайно, ибо «вопрос шел о принципах создания положительного героя. А тут в центре повествования оказался герой» [1, 104] избалованный, не приученный к преодолению трудностей. По мнению Н.И. Черапкина, в центре большого художественного произведения, каким является роман, подобный образ правокрен лишь в том случае, если он существует для разоблачения вредных пережитков. Отсюда и роль такого образа: он должен служить приговором над духовным уродством» [2, 146–147].

Действие романа В. Коломасова происходит в предвоенной эрзянской деревне, персонажей из других мест нет. Сюжетный стержень произведения составляют жизненные перипетии болтуна и лодыря Яхима (Ефима) Лавгинова. Такая «композиционная концентрация романа объясняется прежде всего стремлением автора изобразить через концентрированный образ одного, выдвинутого на передний план, героя процесс» [3, 295] перевоспитания человека. В этом смысле «Лавгинов» В. Коломасова похож на роман Л. Киачели «Гвади Бигва». Однако это не воспринимается в нем как сужение масштабности событий, как упрощение сложного и многообразного процесса, имевшего место в годы коллективизации. «Однообразие» места действия не сделало роман однообразным, поскольку в деревне, в которой разворачивается действие романа,

происходят процессы, характерные в то время для большинства деревень нашей страны» [4, 63–64], – писал Г.И. Ломидзе, анализируя роман Л. Киачели. Эти слова в полной мере можно отнести и к роману эрзянского писателя «Лавгинов».

В своем произведении В. Коломасов исследует совершенно новую область человеческой деятельности для эрзянской литературы того периода – воспитание человека в семье, формирование ответственности перед обществом и сами собой. Образ Лавгинова отличается большой силой обобщения. По своей эмоционально-эстетической выразительности это, безусловно, самый яркий персонаж в национальной литературе. Осмеивая образ жизни Яхима, его праздное времяпровождение, автор опирается на эстетический опыт и житейскую мудрость своего народа, с большим умением и мастерством использует народный смех как важное средство художественного отображения реальной действительности и раскрытия характеров. Как верно замечает А.Г. Борисов, «Лавгинов» Коломасова «несомненно, родственен сказочным героям, ленивцам, которые любят покушать, поспать и ничего не делать» [5, 133].

Из юмористического вступления читатель узнает, что Яхим рос маменькиным сыночком, привык, что за него все делают родители. К самостоятельной жизни он не был подготовлен. «Анка души не чаяла в своем единственном сыночке, пестовала его, ни в чем не отказывала. Более того, кормила она своего ненаглядного грудью целых четыре года.

Десятилетним мальцом послали Яхима учиться в школу. Но привыкший к тому, что его балует мать, потакает всем капризам, за два года учебы далеко не пошел: с трудом научился выводить корявые буквы на бумаге. На том и кончилась его учеба» [6, 5]. Автор показывает, как после смерти отца Яхим впервые решил запрячь лошадь и ошибся при надевании хомута – надел наоборот. Наблюдавший за этой трагикомичной сценой сосед, старик Прокопыч, так выразился об этом: «Коль без опоры слаб в ногах, ходить

тебе в худых портках» [6, 6]. Но жить надо. И Лавгинов, будучи неглупым от природы, но неприспособленным к труду, становится на путь плутовства. Одним из первых вступив в колхоз, он ищет работу по своим, как ему кажется, незаурядным способностям, или откровенно увиливает, отчего на этой основе у него постоянно возникают конфликты с окружающими.

В связи с этим особый интерес представляет новая трактовка этого образа мокшанским литературоведом А.В. Алешкиным. По его мнению, судьба Лавгинова, «превращение его из нормального крестьянина в лежебоку и болтуна в конечном счете есть результат вынужденного отрыва человека от земли, от самого хозяйствования на этой земле» [7, 4]. Свою мысль А. Алешкин обосновывает тем, что с человеком, который в числе первых стал организатором наймановского колхоза, «не могла произойти такая «метаморфоза». На наш взгляд, никакой «метаморфозы» и не произошло. Несомненно, прав А.И. Брыжинский, утверждая, что «колхозное производство тоже способствовало появлению Лавгиновых, почувствовавших, что когда все стало общим, а не личным, можно было не прилагать особых усилий в работе» [8, 28]. Тем более людям типа Яхима. Все поведение Лавгинова в новых условиях явилось естественным продолжением его предыдущего образа жизни.

С первых страниц романа Яхим представит беспечным, самым себя расхваливающим человеком, главным занятием которого является пустая болтовня и праздное времяпровождение. Даже во время страдной поры, когда все односельчане в поле, Лавгинов спит почти до полудня, а затем идет на рыбалку, или еще куда-нибудь.

Вот один из типичных дней Яхима, описанный в первой части романа. Когда жена Наста давно уже переделала утренние дела по дому, он только проснулся. Потягиваясь, Яхим просит супругу подать ему в постель блины. Наста отказывается выполнить просьбу лежебоки и уходит на работу. Наконец, Яхим встал, не умываясь, поел,

снова лег. Повалявшись в постели, решил пойти на колхозную конюшню побалагурить с конюхами. Но колхозники заняты делом, поэтому безделье Яхима предстает особенно нетерпимым. Здесь его высмеял конюх сосед Егор Кириллович. Не выдержав с ним соревнования в остроловии, Лавгинов уходит. Надеясь, что председателя колхоза Карцяйкина и секретаря парторганизации Чигирёва в это время нет в правлении, он идет туда навестить своего крестного – счетовода Ивана Даниловича Комочкина. Затем Лавгинов добирается до магазина сельпо. Встретив кума Микиту Симкова, он начинает выпрашивать у него выпивку. В дальнейшем видя, что поболтать не с кем, Лавгинов собрался было домой, но вспомнил о клубе и направился туда. В клубе он перебрасывается репликами с комсомольцами, выпускающими стенгазету, бренчит на балалайке. Но и здесь для него одни неприятности: Яхим увидел на карикатуре себя, поругался с комсомольцами и обиженным ушел домой.

Вот так день за днем, без какого-либо полезного дела, он проводит время. Даже тогда, когда вынужден выйти на общественные работы, ищет, где легче, постоянно притворяется больным. Когда необходимо, он умеет так «заговорить» собеседника, что тот и сам уже не рад тому, что обратился к нему, и никак не может освободиться от назойливой болтовни Яхима. Тот умеет придать слову иносказательное значение, сделать его более емким. Именно благодаря балагурству и притворству он умеет отговориться от любой работы. Вот уставшая после трудового дня Наста посылает его нарубить дров.

«— Что-то, сестрица, голова гудит, – жалуются муж. – Видимо, угорел и по морозу ходил. Будь другом, иди сама натяпай» [9, 25].

Однако иногда Лавгинов так завирается, что забывает о своих притворствах. Так случилось, например, в разговоре с бригадиром Аношкиным, когда расхрабившийся и заболтавшийся Лавгинов совсем забыл про причину отказа выйти на работу – о своей болезни. В то же время, на колхозном собрании Яхим с упоением выступает с призывом

крепить трудовую дисциплину, осуждает лодырей и рвачей. Людям и слушать уже надоело, а он всё продолжает лить из пустого в порожнее. Впрочем, сама фамилия – Лавгинов – имеет ироническое происхождение. Она произошла от эрзянского глагола «лавгамс» – болтать, молоть чепуху.

Роман «Лавгинов» состоит из трёх частей. В первой части произведения показывается, как Лавгинов, представ перед нами как беспечный, любящий похвалить себя человек, все ниже опускается в нравственно-этическом отношении, изолировал себя и от коллектива, и от семьи. Особенно глубокого смысла полна сцена в доме Егора Кирилловича. Вот гости хозяина запели. Наста Лавгинова тоже попыталась включиться в общее пение, но мужнин петуший голос так мешал, что пришлось замолчать. Песню портили трескучий бас Ивана Даниловича Комочкина и пронзительный тенор Яхима. Насте стало стыдно за мужа, и она слегка толкнула его локтем. Яхим громко икнул и перестал петь, а затем дал волю своему капризу: ударил жену.

Во второй части романа происходит дальнейшее нравственное падение Лавгинова. После ухода от него Насти он настолько опускается, что теряет человеческий облик. Яхим целыми днями лежит на кровати, ему нечего даже есть, а в комнату к нему страшно заглянуть: «Пол с тех пор, как отсюда ушла Наста, ни разу не подметен, на стенах единственное кружевное украшение – паутина. Откуда взялось столько мух! Жужжат, словно пчелиный рой залетел в дом, кроме их назойливого жужжания, ничего не слышно. Вольготно себя тут чувствуют и клопы с тараканами. Как только... хозяин ложится в постель, вся эта насекомая братия с остервенением набрасывается на него» [6, 86]. Колхозный счетовод Комочкин в корыстных целях спаивает безвольного Яхима, женит его на своей племяннице. Автор, умело используя детали портретной характеристики, подчеркивает: «Волосы, еще совсем недавно аккуратно зачесанные, теперь взлохмачены, лицо покрылось грязной щетиной, и ямочки уже не так заметны на щеках, подбородок

вытянулся, глаза запали, глубоко залегли в глазницах, глядят оттуда настороженно, дико.

И рубаша на нем грязная, воротник лоснится, штаны в коленках до того протерлись, что нитка нитку ищет» [6, 85].

Смех здесь достигает наибольшей сатирической силы. Перед нами пародийный двойник «дикого барина» М. Салтыкова-Щедрина.

Егор Кириллович, говоря будто о себе, так характеризует состояние Лавгинова, которому бывает лень даже бездельничать так же, как гончаровскому Обломову и во сне хотелось спать: «Н-да, иногда бывает так, что даже говорить лень... Не то что рассказывать что-нибудь, но даже просто так без дела сидеть лень» [6, 51]. Как и Обломов, Лавгинов очень любит откладывать дело. Вот Егор Кириллович пригласил Яхима на сенокос, как тот тут же стал искать повод, чтобы отложить выезд:

«– Как, уже сегодня? – Яхим испуганно ухватился за щетинистый подбородок. – Побриться не успею. И козу не на кого оставить. Нет уж, шабер, оставим на завтра. Ей-богу, коза...» [6, 135].

Комизм положения Лавгинова достигается выявлением несоответствия между тем, каким он хочет показать себя, и тем, какой он есть на самом деле. Глубоко прав Б.Е. Кирюшкин, утверждая, что автор сумел преодолеть характерную для многих произведений мордовской прозы описательность: он показывает живого человека в его действиях и поступках, нигде не подменяя художественный показ пересказом. Преодоление описательности в «Лавгинове» – одно из крупных художественных завоеваний мордовского романа» [10, 57].

Для индивидуализации образа Лавгинова автор умело пользуется языковыми средствами, с помощью которых выявляется подлинная сущность характера. Речь Яхима цветиста, кудрява, порой она не лишена увлекательности, веселого настроения, но пуста по содержанию, она поразительно характерна для Лавгинова. Как верно замечает М.Н. Коляденков, «перед нами Ефим

Петрович Лавгинов как живой. Любую его фразу, оторванную от контекста, читатель узнает без труда по характерной интонации: это говорит Ефим, так говорит только Лавгинов» [11, 28]. Стремясь подчеркнуть «величие» своей персоны, Лавгинов часто обращается к собеседнику фамильярно, называя его «братишка», «сестренка», «сестрица». Беззаботность Яхима оттеняется употреблением восклицательных междометий: «Ого!», «эхе!», «эха», «хо!», «тень» («это») и т. д. Кроме того, подобными восклицаниями Лавгинов стремится как бы сразу отвергнуть доводы собеседника.

Вот жена Прокопыча, Васильевна, уговаривает Яхима поехать на сенокос, говоря, что нехорошо в такое горячее время сидеть дома, что она, старуха, и то сегодня всю ночь пекла для косцов хлеб.

«— За это, бабушка, тебе и поклон до земли от всех, — сказал Яхим..., а сам подумал: — На твоём месте, старая, я бы тоже не прочь сажать в печь хлебы. Экое тяжёлое дело! А ты помахай с утра до поздней ночи косою или вилами сено покидай. Это тебе не каравай на лопату поддевать» [6, 136].

Во время стогометания Яхим подавал команды для того, чтобы остановить или гнать тянущих канат лошадей. Прежде всего, поинтересовался у мальчишек-коногонов, хорошо ли слышен его голос с верхушки стога.

«— Очень даже, дядя Яхим, — ответил один из мальчуганов, — и лошади привыкли к твоему голосу. Как крикнешь «стой!», сразу останавливаются.

Яхим взъерошил своей жёсткой ладонью выгоревшие на солнце вихры паренька.

— Эха, братишка, этот крик и мы бы с тобой поняли» [9, 167].

Известно, что художественное произведение должно эмоционально заряжать читателя. Следовательно, язык произведения должен отличаться эмоциональной насыщенностью — это основное свойство художественной речи. Такая речь дается в результате упорного труда, большого умения в подборе нужных языковых средств и прекрасного знания всех богатств языка народа, на котором пишет писатель. В. Коломасов

прекрасно усвоил то, что является душой языка — его народный колорит и интонацию. Именно это помогает ему легко, красочно и увлекательно, с неистощимым народным смехом описывать приключения Лавгинова, которые следуют в романе один за другим.

Вот, например, как подано возвращение Яхима из Ташкента, куда он ездил за «длинным» рублем: «В конце улицы появилась лошадь, запряженная в тарантас. Тотчас же раздался лай собак. Издали трудно было распознать сидящих в тарантасе. Один погонял лошадь, а другой ради забавы дразнил бежавших за повозкой собак... Только минут пять спустя, когда тарантас был уже совсем близко от ветлы, Наста узнала того, кто дразнил ошетинившихся от ярости собак.

Это был Яхим» [6, 10].

В манерах поведения своего героя В. Коломасов выявляет черты человека, весь смысл существования которого — легче прожить. Он и в Ташкенте, видать, работал плохо, поэтому и домой приехал в сапогах с галошами, но без подошв, зато с претензиями на культуру. Автор от всей души иронизирует над Лавгиновым. Для этого он вводит в его речь русские и даже узбекские слова, смысл и значение которых Яхим и сам нередко не понимает, отсюда их неправильное произношение и толкование. Своими увлекательными рассказами об Узбекистане, о «сходстве» узбекского языка и быта с эрзянским он по-настоящему забавляет слушателей.

Высшее мастерство писателя состоит в том, чтобы дать такие человеческие типы, которые воспринимаются не как литературные, а как живые реальные лица. Лавгинов В. Коломасов как раз из тех литературных образов, которые примечательны тем, что они «притягивают, завораживают, отталкивают, заставляют действовать так же, как действует положительный герой, или, напротив, не делать того, что делает «герой отрицательный» [12, 144]. Для более убедительного раскрытия негативных сторон в характере своего персонажа писатель вкладывает в его уста различные смешные истории, анекдотические случаи, которые

характеризуют его как безалаберного шалопая стремящегося выпятиться. Вот как, например, говорит Яхим, одаривая жену привезенными из Ташкента подарками: «Ну вот, женушка, хватит тебе ходить в эрзянском покае (покай – у эрзян красочно вышитая шерстяными нитками рубаха. – В.Д.). Вот тебе городское платье. Она хоша и не из дорогих, но все равно более интеллигентское, чем твой покай с вышивкой. Я это говорю к тому, что пора уж нам быть культурными» [6, 11].

Являясь большим знатоком родного эрзянского народного языка, В. Коломатов особенно удачно пользуется диалогом. Длинных описаний он, кажется, сознательно избегает. Впрочем, для эрзянского менталитета они и не характерны. Диалог у писателя динамичен, ярко раскрывает характеры персонажей. Вот председатель колхоза Карцяйкин вместе с секретарём парткома Чигирёвым пришли к Яхиму с предложением учиться на машиноведа. Лавгинов, полный зазнайства, воображает, что без него никак не обойдутся, и сам начинает выдвигать условия:

«– Агитировать пришел меня?

– Не агитировать, а поговорить по душам...

– Что ж, говори, ежели не лень, – насмешливо прищурился Яхим, – могу и послушать. Козу подоил, других дел у меня нет.

– Так не поедешь?

– Почему не поеду, поеду с большой охотой. Только учиться не на машиниста.

– На агитатора?

– Хотя бы. Чего смеешься? Не хвалясь, скажу: на этой должности была бы от меня большая польза.

– Не везет тебе, парень, – усмехнулся Чигирёв. – Нет такой должности. Ответственная эта работа, бесплатная. Даже этого не знаешь, а считаешь себя культурным» [6, 95–96].

Лавгинов, чтобы показать свою «культурность», нередко использует в своей речи русские слова, и надо признать, что порой ему действительно удается это неплохо. Так, весьма удачно употребляет он выражение

«манёврат тейни» («делает манёвры»). Однако уровень общего развития Лавгинова в целом невелик. Он часто коверкает русские слова и выражения, значение многих (рацион, наивный, фельетон) вообще не знает.

В произведениях отечественных писателей, в частности, В.М. Шукшина, у героев есть одна общая черта: желание (хотя бы раз) выпасть, отклониться от привычного хода жизни, сбросить с себя каждодневные нормы, сыграть какую-то другую роль. У них есть потребность совершить иногда нечто нелогичное с социально-нравственной точки зрения: «выпустить пар», сбросить груз ежедневных издержек, почувствовать себя свободными, раскованными.

Возможно, в таком поведении отразились черты, связанные с ежегодными народными празднествами, когда в определенные, хотя и очень короткие, периоды времени разрешалось нарушать непререкаемые нормы приличия. Устраивались всякие путаницы, снимались некие брачные запреты, практиковались земледельческие сквернословия, ряженья и т. д. А вот у Яхима Лавгинова вся жизнь своеобразная путаница, и поведение его – это не маска в карнавальный день, а реальный повседневный характер. Подобно сказочным персонажам он постоянно попадает в неловкие ситуации. При этом, оказываясь под влиянием красноречия Яхима, иногда даже начинаешь сопереживать ему, однако очередное абсурдное умозаключение или поступок героя вновь возвращает к реальности. Одним из примеров такого рода является рыбная ловля Яхима: «Потянул одну удочку – ничего нет, потянул другую – на крючке лягушка. Не задумываясь, Яхим срезал камышинку, сунул в лягушачий рот и что есть силы стал дуть. Надул лягушку и бросил ее обратно в воду. Несчастная старалась нырнуть, но, надутая, никак не могла это сделать. А Яхим хохотал, шагая вдоль берега, не теряя из виду барахтающуюся на воде лягушку, все норовил попасть в нее камнем» [6, 73].

С большим комическим эффектом нарисована сцена разговора Яхима со своей

козой, которую, после ухода из дома жены, решил подоить:

«— Стой, чертовка! Ложку молока и то жалко тебе. Ты пойми, милая, такой стыд приходится мне терпеть из-за тебя. Нашлись дураки, даже частушки о нас с тобой сложили... Если скотина ты умная, стой смирно, не брыкайся» [6, 93].

Во всех этих примерах заметно тяготение к жанру сатирической бытовой сказки и анекдота. Автор проявляет большую склонность к выдумкам. Смех, ироничные и саркастические замечания участников диалога, чередующегося с особой формой косвенной речи, меткий разящий слог и добродушный юмор, являющийся национальной чертой эрзянского народа, — всё работает у писателя на решение идейно-художественных задач, призванных показать противоречия отрицательного характера героя, осознание им своих ошибок и его перевоспитание. При этом писатель выделяет главные черты и признаки образа. Этого он добивается за счёт речевой характеристики, раскрытия его поступков и действий, через изображение взаимоотношений между героями, наконец, показом жизненной и бытовой обстановки. Как говорится, смех сквозь слёзы вызывает речь Лавгинова перед своей козой и котом:

«— Товарищи! Сегодня я решил сказать вам несколько слов о трудовой дисциплине, ее значении. Если из сказанного мною услышите непонятное слово, вы его запишите на бумажке, а потом я растолкую его значение. И попрошу не сердиться, коли вам прямо скажу: насчет культуры вы очень отстали, потому и не знаете, какая есть из себя эта самая дисциплина...

Я хорошо знаю, что вы тут собрались от безделья. Но есть среди вас и такие, которые прут на собрание, как на представление в театр... Но об этом потолкуем после, потому что не это главное» [6, 98–99].

Яхим, возможно, долго бы еще плутал в словесных дебрях, в этих «потому», «ежели», и, может, выбрался бы, да тут случилось неожиданное: коза ударила копытцем по кошачьему хвосту. От неожиданной боли

кошка вскинулась и вмиг очутилась на спине у козы. Та, почувствовав на спине неожиданного всадника, спрыгнула со скамейки на пол, свалив поставленные одна на другую табуретки — трибуну своего хозяина.

Впрочем, этот пример с монологом Лавгинова, по мнению М.Н. Коляденкова, является одним из самых неудачных в романе. «С одной стороны, — пишет он, — и автор, и окружающие лица рекомендуют нам Ефима Лавгинова как человека неглупого. Его речь недурна, всегда пересыпана меткими словечками, порой остроумна; в спорах он часто ставит в тупик противников своей находчивостью нужных слов, хотя спор его всегда беспредметен по существу... С другой стороны, эта речь является лишним, надоедливым, несколько приторным, одноцветным повторением пустозвонства Ефима. Эта сцена рассчитана на дешёвый эффект. Она искусственна, поэтому неудачна по языку» [11, 83]. Трудно согласиться с этим утверждением. Приведённый монолог, на наш взгляд, полностью соответствует характеру и эмоциональному состоянию Лавгинова, не знающего, куда деть себя от скуки в пустом доме, и даже здесь стремящегося выпятить себя.

Комические ситуации становятся своеобразным художественным центром произведения, они обнажают характер героя, создают его образ, раскрывают истинное лицо сатирического типа. Стиль автора определяет полифонический смех. Источник комического писатель видит в искусном переплетении фабулы, курьезных положений, обстоятельств, что придает произведению динамизм и приносит в комическое тенденцию к внешнему эффекту. Это чувствуется, например, в описании портрета героя, художественной основой которого становится лукавый юмор и насмешливая ирония: «Был он (Лавгинов. — В.Д.) одет совсем как городской: в кожаной куртке, на ногах — сапоги с галошами; правда, сапоги простые, из юхты, и калоши на них, наверно, только для форса. Штаны у Яхима широченные, как у цыгана, плещутся поверх голенищ; на голове ухарски сбита набекрень шапка-кубанка, из-под

которой на высокий лоб легло русое колечко волос в виде загнутого хвостика» [6, 10], — описывает В. Коломасов возвратившегося из Ташкента Лавгинова.

Внешний портрет Яхима показан в полном соответствии с его внутренним миром. Писатель осуждает любителя легкой жизни и развенчивает его, нередко словами самого героя. Одним из таких примеров является эпизод утверждения Лавгиновым жеребости кобылы:

«— Ну как, Петрович, есть у него жеребёнок? — спросил Егор Кириллович.

Яхим ощупал лошадь меж бедер, погладил по животу и авторитетно изрек:

— Месяца через два можно ждать прибавления» [6, 75].

И тут же автор одним предложением вызывает веселый смех читателя. Оказывается, Лавгинов до того несведущ, что не может отличить кобылу от мерина: «Большебрюхая гнедая лошадь оказалась здоровым меринком» [6, 76].

Такого срама в жизни Яхиму еще не пришлось испытать. В какой-то мере только после этого он впервые стал задумываться о том, что, кроме внешней бравады и красоты, другими качествами он практически не обладает, живет бездельником. Даже своим близким ничего, кроме слез, не приносит. Начиная понимать это, Лавгинов вынужден уже реагировать на критику окружающих, все меньше появляться на людях праздно шатающимся. Смеясь над леностью (в большинстве своем смех персонажей романа беззлобный, искренний), люди помогают человеку осознать свои заблуждения, и в этом свидетельство духовной зрелости народа.

Автор убедительно показывает, что в перевоспитании Лавгинова решающую роль сыграли, прежде всего, его соседи Егор Кириллович и Прокопыч, жена Наста, председатель колхоза Карцяйкин и секретарь парторганизации Чигирёв. Они искренне заботятся о незадачливом односельчанине, чтобы помочь ему найти свой нравственный стержень. Это яркие национальные характеры людей трудолюбивых, скромных и неторопливых в проявлении своих эмоций,

чувств и созданных, естественно, с учетом особенностей общественно-исторической эпохи. Народная мудрость, незлобивый смех, своеобразная оценка окружающего и людей — отличительные свойства этих персонажей. У каждого из них своя речь, своя лексика, своя манера разговора. Если речь Лавгинова характеризует его как безалаберного человека с тенденцией выпятиться, то, например, Егор Кириллович иронизирует с серьезной миной, как бы вовсе не заботясь вызвать веселье. В нем наиболее ярко воплощен тип человека с эрзянской хитрецей, направленной в романе на перевоспитание Лавгинова. Естественно и то, что «взгляд его всегда насмешливый», а «во время разговора один глаз прищуривает». Он противопоставлен Лавгинову не только как трудолюбивый человек, но и как глава большой семьи, воспитавший в достатке семерых детей. Не случайно автор дал ему фамилию Трямкин (от эрзянского «трямс» — растить, воспитывать).

Художественно весьма выразителен и образ Прокопыча, для которого характерна доброжелательность, искренняя забота о людях. Как и Егор Кириллович, это честный, трудолюбивый человек. Индивидуализация образа Прокопыча усиливается своеобразием его речи, полной народной мудрости и колорита. Она выдержана в стиле добродушно-ворчливого резонера, местами немного наивного.

В. Коломасов не случайно сделал Прокопыча с Егором Кирилловичем соседями Лавгинова. Они с двух сторон окружили Яхима — художественно выразительная деталь. С их помощью тот постепенно уясняет драматизм своего положения. Он даже начинает иронизировать над собою. А это уже показатель здорового ума и явный признак начавшегося выздоровления. Наконец, Лавгинов поехал на колхозный сенокос, получил от этой работы физическое и нравственное удовлетворение и ощутил потребность покончить со своим прошлым, помириться с женой Настой.

Рост сознания Яхима, его новый духовный облик подчеркивается и средствами

языка. В третьей части романа Лавгинов совсем прекратил пустую болтовню, балагурство. Напротив, он стал молчаливым, и свои положительные черты и качества стремится доказать на деле. Автор отказался здесь от сатирических средств образной характеристики Лавгинова и только изредка обращается к мягкому юмору. Это понятно: индивидуальное своеобразие героя осталось, но оно проявляется на здоровой основе.

В первом варианте романа (1941) Яхим Лавгинов попадает в места не столь отдалённые, убегает оттуда и после трудов праведных в своем селе обратно возвращается на зону. Во втором, доработанном, варианте (1956) Яхим уезжает в город, вливается в рабочую среду, получает настоящее удовлетворение от приобщения к трудовой жизни и искренне радуется тому, что идет в армию защищать Родину, что восторжествовала правда его честных побуждений. Повестку на фронт он воспринимает как большое доверие сограждан, доверие, которым часто пренебрегал: «Пусть теперь кто-нибудь попробует оскорбить. В нос ткну, скажу: гляди, не шипи, змея, что Яхим Лавгинов никудышный. Читай! Лавгинов теперь боец, солдат!...» [6, 334].

Думается, авторская концепция выражена здесь более четко. Правда, существуют и иные точки зрения. Некоторыми критиками такой финал признан конъюнктурным, решенным «целиком в духе социалистического реализма» [7, 4]. Конечно, жизнь слишком сложна, чтобы уложить ее в литературные категории. Однако не вызывает сомнений и то, что литература должна воспитывать, познавать тип человека, чьи действия наполнены высокими устремлениями. Очень удачно, на наш взгляд, высказался об этом писатель П. Шахов: «Литература – это... человековедение, и предметом ее исследований должны быть не одни лишь негативные явления, а человек – чем он живет, какой он есть.

Человеку нужна мечта, большая мечта. И писатель должен работать ради человека, одухотворенного мечтой, высокими помыслами бороться за него... Писатель должен писать такие книги, чтобы человек,

прочитав их, не «упал», а напротив, поднялся, стал выше» [13, 4]. Именно с этих позиций новая трактовка образа Лавгинова В. Коломасовым приобретает особую значимость. Рецензируя новое издание романа, известный эрзянский писатель той поры И. Антонов писал: «Новый Яхим Лавгинов остается по складу своего характера таким же неорганизованным и незадачливым. Но теперь эти черты оправданы более глубоким проникновением в характер, в судьбу типического лица. Читая, ощущаешь цельную судьбу человека и веришь, что он, не любивший когда-то трудиться, встанет в «общий строй» [14, 3]. Это характер, к которому трудно подходить с обычной меркой – положительный или отрицательный герой. Ибо для выявления положительности или отрицательности персонажей необходимо учитывать не их ошибки, совершаемые в поисках верного пути, а результат этих поисков. Исходя из этого, характер Лавгинова приобрел социальную детерминированность, потенцию для движения к положительным идеалам.

В то же время, в целом умело используя многие художественные приемы и изобразительные средства в создании образа Лавгинова и других персонажей, В. Коломасов не избежал и некоторых серьезных недостатков. Процесс перевоспитания главного героя был сложным и трудным, он требовал глубокого психологизма. Однако с этих позиций Лавгинов показан недостаточно, нечасто виден «изнутри». Процесс внутренней перестройки мало проявляется даже тогда, когда в душе Яхима происходит перелом, и он становится на путь исправления. Его окончательное выздоровление произошло на стороне, на строительстве аэродрома в городе, однако об этом периоде жизни героя читатель узнает только из его писем жене Насте. На наш взгляд, психологическому провалу в развитии характера Лавгинова «помогло» и это. Почти совсем не показан также внутренний мир руководителей коллектива Карцяйкина и Чигирёва.

Кроме того, даже во втором варианте произведения имеется целый ряд форм, чуждых

эрзянскому языку. Хотя в целом для творчества В. Коломасова это не характерно. Индивидуализации речи персонажей писатель добивается точным отбором необходимых лексических и интонационных средств. Авторские описания насыщены неподдельным народным смехом, богатыми эпитетами, метафорами, сравнениями, взятыми из народной речи и быта, удачно используемыми для усиления эмоциональности повествования и раскрытия характеров. Один из широко употребляемых писателем тропов – ирония. Иронический взгляд автора чувствуется на всем протяжении действия почти незаметно, ненавязчиво. Комическое становится стилевой тенденцией, оно определяет и организует повествование.

В формировании художественного мастерства В. Коломасова заметно влияние классиков отечественной литературы Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, М.А. Шолохова. Так, гоголевское воздействие чувствуется в манере письма эрзянского писателя, иронически-возвышенной характеристике главного героя, создании лирических отступлений и комических ситуаций. Например, сцена, когда Прокопыч и Егор Кириллович пытаются усадить Яхима и Насту на одну подводку, чтобы по дороге домой с ярмарки (описанной, к слову, с гоголевской патетикой) они могли помириться, напоминает сцену в доме городничего из повести «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в котором гости прилагают неимоверные усилия для примирения героев с целью прекращения их взаимной неприязни. В характеристике председателя колхоза Карцяйкина есть черты, свойственные шолоховскому Нагульнову: резкость в действиях, склонность к самоуспокоенности и зазнайству. При создании образа главного героя проявились некоторые приёмы, использованные М. Шолоховым в обрисовке характера деда Щукаря. Лавгинов иногда становится в такие же ситуации, в какие попадал шолоховский Щукарь. С известным романом И.А. Гончарова «Лавгинова» объединяет родство характеров главных героев. Причем,

у эрзянского автора не только прослеживается частичное повторение судьбы Обломова, но и причины самого явления, «обломовщины», трактуемой в духе русского предшественника Яхима, а именно: определяющим на формирование характера и дальнейшую жизнь человека является влияние родительского воспитания.

Умелая реализация собственно творческих возможностей с опорой на богатый художественный опыт народа и лучшие смеховые традиции отечественной литературы позволила В. Коломасову создать актуальное по теме и богатое художественно-изобразительными средствами произведение, которое до сих пор остается одним из наиболее ярких и любимых в национальной литературе. При этом оно выступает также подтверждением того, что «достоверное знание исторического опыта, корней национальной культуры, устно-поэтического творчества... помогает представителям современного урбанистического общества найти истоки своего этнического существования...» [15, 186]. Тем более что в таланте эрзянского народа всегда было «художественно осваивать реальную действительность и своевременно реагировать на... изменения в общественной жизни и психологии людей» [16, 188].

Произведение В. Коломасова явилось своеобразным итогом развития эрзянской романистики 1920–1930-х годов. А это порядка десяти завершённых и не завершённых стихотворных и прозаических романов, что послужило достаточным доводом признать за мордовской литературой приоритетное право называться среди других молодых национальных литератур «пионером в развитии романа, так как она одной из первых встала на путь создания эпических полотен и еще до Великой Отечественной войны добилась известных результатов» [17, 186]. В то же время, опыт развития литератур Поволжья и Приуралья 1930-х годов свидетельствует о том, что стремление к эпичности, тяготение к большим социальным полотнам было их общим стремлением. Но это уже тема другого разговора.

Литература

1. Макушкин, В.М. Обретение зрелости [Текст] / В.М. Макушкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. – 224 с.
2. Черапкин, Н.И. Притоки [Текст] / Н.И. Черапкин. – М.: Современник, 1973. – 197 с.
3. История мордовской советской литературы: в 3 т. [Текст] / ред. коллегия В.В. Горбунов, Б.Е. Кирюшкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. – Т. 1. – 416 с.
4. Ломидзе, Г.И. Единство и многообразие [Текст] / Г.И. Ломидзе. – М.: Сов. писатель, 1957. – 291 с.
5. Борисов, А.Г. Художественный опыт народа и мордовская литература [Текст] / А.Г. Борисов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. – 192 с.
6. Коломасов, В.М. Лавгинов [Текст] / В.М. Коломасов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. – 215 с.
7. Алешкин, А. «Мелочи жизни» в неустроенном доме [Текст] / А.В. Алешкин // Известия Мордовии. – 1994. – 16 авг. – С. 4.
8. Брыжинский, А.И. Процессы жанрового развития мордовской прозы (50–90-е годы) [Текст] / А.И. Брыжинский. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1995. – 190 с.
9. Коломасов, В.М. Лавгинов [Текст] / В.М. Коломасов. – Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1941. – 386 с.
10. Кирюшкин, Б.Е. Мордовский советский роман [Текст] / Б.Е. Кирюшкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – 183 с.
11. Коляденков, М. Язык романа В. Коломасова «Лавгинов» [Текст] / М. Коляденков // Труды МНИИ-ЯЛИЭ: вып XXVI. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – С. 26–35.
12. Гусейнов, А. Нравственность, литература, писатель [Текст] / А. Гусейнов // Литературная учеба. – 1984. – № 3. – С. 142–149.
13. Шахов, П. Легко ли быть писателем [Текст] / П. Шахов // Литературная Россия. – 1987. – 11 дек. – С. 4.
14. Антонов, И. Лавгинов из села Найманы [Текст] / И. Антонов // Литературная газета. – 1960. – 14 янв. – С. 3.
15. Шеянова, С. Этнокультурное пространство современного мордовского романа: обрядовый аспект [Текст] / С. Шеянова // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 4. – С. 180–187.
16. Антонов, Ю. Своеобразие конфликта и жанровая специфика пьес «Хуторок» и «Орда» А. Пудина [Текст] / Ю. Антонов // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 4. – С. 188–194.
17. Кузьмичев, И. Путь к роману [Текст] / И. Кузьмичев // Октябрь. – 1973. – № 5. – С. 166–168.

References

1. Makushkin, V.M. *Obretenie zrelosti* [Attainment of maturity]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1976. 224 p.
2. Cherapkin, N.I. *Pritoki* [Inflows]. Moscow: Sovremennik Publ., 1973. 197 p.
3. *Istorija mordovskoj sovetsoj literatury: v 3 t.* [History of the Mordovian Soviet literature: in 3 vol.]. Ed. staff V.V. Gorbunov, B.E. Kiryushkin. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. 1. 416 p.
4. Lomidze, G.I. *Edinstvo i mnogoobrazie* [Unity and diversity]. Moscow: Sov. pisatel' Publ., 1957. 291 p.
5. Borisov, A.G. *Hudozhestvennyj opyt naroda i mordovskaja literatura* [Artistic experience of the people and Mordovian literature]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1977. 192 p.
6. Kolomasov, V.M. *Lavginov* [Lavginov]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1959. 215 p.
7. Aleshkin, A. «*Melochi zhizni*» v neustroennom dome [“The little things of life” in the unsettled house]. *Izvestija Mordovii* [News of Mordovia], 1994, August 16, p. 4.
8. Bryzhinskiy, A.I. *Processy zhanrovogo razvitiya mordovskoj prozy (50–90-e gody)* [The processes of developing of Mordovian prose genres (50–90 s)]. Saransk: izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1995. 190 p.
9. Kolomasov, V.M. *Lavginov* [Lavginov]. Saransk: Mordov. gos. izd-vo Publ., 1941. 386 p.

10. Kiryushkin, B.E. *Mordovskij sovetskij roman* [Mordovian Soviet novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1965. 183 p.
11. Kolyadenkov, M. *Jazyk romana V. Kolomasova «Lavginov»* [The language of the novel “Lavginov” by V. Kolomasov]. *Trudy MNIIJaLLJe: vyp XXVI* [Works of the Mordovian Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1965. pp. 26–35.
12. Guseynov, A. *Nravstvennost', literatura, pisatel'* [Morality, literature, writer]. *Literaturnaja ucheba* [Literary study], 1984, no. 3, pp. 142–149.
13. Shakhov, P. *Legko li byt' pisatelem* [Is it easy to be a writer?]. *Literaturnaja Rossiya* [Literary Russia], 1987, December 11, p. 4.
14. Antonov, I. *Lavginov iz sela Najmany* [Lavginov from the village Naimany]. *Literaturnaja gazeta* [Literary newspaper], 1960, January 14. p. 3.
15. Sheyanova, S. *Jetnokul'turnoe prostranstvo sovremennogo mordovskogo romana: obrjadovyj aspekt* [Ethnocultural space of the modern Mordovian novel: the ceremonial aspect]. *Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Research Institute of Humanitarian science under the Government of the Republic of Mordovia], 2012, no. 4, pp. 180–187.
16. Antonov, Yu. *Svoeobrazie konflikta i zhanrovaja specifika p'es «Hutorok» i «Orda» A. Pudina* [Peculiarity of the conflict and genre specificity of the plays “Little Farm” and “Horde” by A. Pudina]. *Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Research Institute of Humanitarian science under the Government of the Republic of Mordovia], 2012, no. 4, pp. 188–194.
17. Kuzmichev, I. *Put'k romanu* [The way to novel]. *Oktjabr* [October], 1973, no. 5, pp. 166–168.